

БЕЛЫЕ РАБЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1925

Гиз 9807. Главлит № 37818. Напеч. 35.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ЗА ЧТО ВОЕВАЛИ.

До мировой войны 1914—1917 г. г., точно так же — как сейчас, великие капиталистические державы стремились поделить между собой весь мир, всю землю и все моря. Это им нужно было ради получения рынков — для сбыта своих товаров и ради добычи угля, нефти, хлопка, хлеба, шерсти и прочего сырья — для своих фабрик. Тогда великими державами считались: Англия, Германия, Франция, Австро-Венгрия, Россия. В погоне за рынками, за сырьем, за барышами, они готовы были перегрызть друг другу горло. Но долго не решались сцепиться — один на один; потому что боялись: как бы противнику не помог сосед. Эти великие державы много лет вооружались, готовились к войне друг с другом и старались заключить союз с соседом — против других соседей.

В прошлом столетии, самым могущественным капиталистическим государством считалась Англия. Английские купцы, сопровождаемые военными кораблями, шныряли с товарами по всему свету. Но за последние

сорок лет перед мировой войной выросло второе могущественное капиталистическое государство — Германия. Немцы также шныряли по всей земле с товарами. Они сталкивались на мировых рынках с английскими, с французскими и с русскими купцами. За ними, туда же тянулись американские, итальянские, японские и австрийские купцы. Что бы покрепче прибрать к рукам чужие рынки, все они вооруженной рукой покоряли себе более слабые народы: Китай, Индию, африканских негров и других. При завоеваниях рынков, из-за барышей, они ожесточенно враждовали между собой и, как сказано выше, заключали вооруженные союзы с соседями, ради нападения на других соседей.

Французские капиталисты сорок лет готовились к войне с Германией. А германские капиталисты и помещики сорок лет готовились к войне с Англией и с Францией.

Французские капиталисты давно уже заключили союз с русским царем Николаем Романовым. А германский император Вильгельм давно уже заключил союз с австрийским императором Франц-Иосифом. Англия заключила тогда союз с Японией. Италия — с Австро-Венгрией.

Все эти государства бешено вооружались и все давно готовились раздавить друг друга. Войны надо было ждать с часу на час.

Французская капиталистическая республика хорошо была вооружена. Но у ней мало было людей. Французы знали, что в России пушечного мяса много — 170 миллионов душ. Но они знали, что русское правительство помещиков и капиталистов, во главе с Николаем Романовым, сидит на бочке с порохом. Они знали, что русские крестьяне и рабочие задушены податями, безземельем и произволом царских чиновников. Они знали, что для подавления рабоче-крестьянского революционного бунта русскому царю нужны деньги. И французские купцы давали эти деньги Николаю Романову займы, за большие проценты, в течение двадцати пяти лет. Давали на содержание армии, полиции, попов и чиновников. И надавали около десяти миллиардов рублей золотом.

При этом, французское правительство всегда (при всяком займе) ставило русскому царю два условия:

1-е: чтобы часть денег шла на устройство железных дорог, необходимых для переброски русской армии против Германии;

2-е: чтобы мирный состав русской армии увеличивался из года в год

Чтобы спасти себя от революции, самодержавное царское правительство Николая второго получало от французских банкиров деньги и покорно гнуло шею перед ними;

выполняя все требования французского правительства. Даже планы будущей войны выработывались у нас не столько русскими генералами, сколь французами.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда грянул гром войны в 1914 году, самодержавная Россия оказалась в объятиях республики французских банкиров; к ним присоединилась свободолюбивая королевско-капиталистическая Англия, а затем — Италия. А против них выступили — Германия и Австро-Венгрия; к этим присоединились — Турция и Болгария. Как известно, впоследствии, в войну втянулись и другие государства. Началась всемирная бойня.

Для отвода глаз простому народу, все правительства и все газеты кричали изо дня в день; что война идет — за веру, за отечество, за свободу.

В Германии кричали:

— Бейте русских варваров. Иначе они отнимут нашу лютеранскую веру, навяжут нам своего царя!

А в России кричали:

— Идите на фронт! Спасайте православную веру! Боритесь против завоевания нас немецким кайзером Вильгельмом!

А на самом деле, немцы хотели отхватить хороший клочок земли у России, отнять часть завоеванных народов у Англии.

Английские купцы хотели вышибить с мировых рынков немцев. Франция хотела отобрать у немцев области, отошедшие к Германии после Франко-Прусской войны.

А русским помещикам и капиталистам (по тайному договору Николая Романова с английским и французским правительствами) обещаны были: часть Турецкой земли с городом Константинополем и с проливами для выхода русских кораблей из Черного моря; часть Австро-Венгерской земли — Галиция; господство над Балканскими государствами: над Болгарией, Сербией, Черногорией.

С первых же дней войны, плохо вооруженная русская армия терпела поражение за поражением. Были времена, когда она и выигрывала сражения. Но эти выигрыши стоили старой царской армии — миллионов убитых и искалеченных солдат, после которых оставались миллионы разоренных хозяйств и миллионы вдов и сирот. Ни один народ за время мировой войны не пролил столько крови и слез, сколько пролито их было в царской России. И все это — во славу французских капиталистов, у которых русский царь был в долгу, как в шелку.

В середине войны, когда немцы стали приближаться к французской столице, Парижу, французские банкиры потребовали от

Николая Романова присылки солдат во Францию. За это ему обещаны были деньги, вооружение и амуниция — для продолжения войны.

Николай получил то, что ему требовалось; и в 1915 году продал за это, как рабов, несколько полков русских солдат (сто тысяч человек). Самодержавное русское правительство отобрало в эти полки самых здоровых, молодых и развитых солдат; посадило их на французские корабли и отправило, вокруг всего света, во Францию. Там они сражались; как львы — до конца войны.

Когда во Франции дошла весть о Февральской революции, русские солдаты потребовали отправки их на родину. Но французское правительство заявило, что за них заплачены деньги, и в отправке на родину отказало. А после того, как наши солдаты отказались сражаться в рядах французской армии; их разоружили, посадили в концентрационные лагеря, часть сослали в Африку, а часть расстреляли. Оставшихся в живых держали до тех пор, пока не вступилось за них Советское правительство. Только по настойчивому требованию Советского правительства освободили наших солдат и отправили в Россию.

Эту кровавую страницу из жизни старой царской армии не многие знают. А она очень интересна.

Писатель Н. Степной сам был в числе тех солдат, которые побывали на французском фронте, во время мировой войны. Он просто, бесхитростно, рассказывает о тех мытарствах и ужасах, которые пришлось пережить русским полкам, обманно отправленным во Францию. Рассказы его охватывают самое путешествие во Францию и ужасы мировой бойни. Их надо прочесть каждому крестьянину — молодому и старому, чтобы знать: как расправлялись с народом царские опричники, как они торговали этим народом и что пришлось пережить рабочему и крестьянину под игом царя, помещиков, капиталистов и генералов. Книжечку Н. Степного надо прочесть, запомнить и рассказать: детям, внукам и правнукам.

Ф е о к т и с т Б е р е з о в с к и й.

I.

В 1915 году из Питера на Урал пришел приказ: формировать пехотные полки «особого назначения».

В приказе говорилось, что требуются солдаты — самые лучшие по выправке, имеющие боевое отличие; что зачисление в эти полки должно производиться по особой рекомендации командного состава. Дальше говорилось в приказе, что желательно, чтобы в эти полки назначались уроженцы Оренбургской губернии, Урала и Сибири. Разрешалось зачислять и неграмотных.

Такой приказ пришел и к нам — к саперам.

Начальство восторженно объясняло нам: — Счастье тому, кто будет выбран в особые полки!..

Но, мы, саперы, неохотно шли в пехоту и счастья никакого не видели в новом назначении.

Формировались полки в одном из городов Урала.

Когда приехал к нам на смотр командующий округом генерал Сандецкий, он остался очень доволен нашей выправкой.

На смотре он повел с нами беседу по части «словесности»:

— Скажи-ка мне, кто наш враг? — обратился генерал к одному солдату.

Солдат бойко ответил:

— Германия, Австрия, Турция...

— А скажи-ка ты, — обратился генерал к другому, — кто наш союзник?

Солдат растерялся. Он чувствовал, что на него смотрит сотня глаз. А ротный готов съесть его глазами.

Солдат молчал.

Начальство ждало.

Наконец, генерал спросил:

— Что же ты молчишь?.. Не знаешь?

— Нет, знаю, — ответил солдат, — Англия, Сербия, Черногория.

Генерал как-будто, остался доволен и сказал:

— Хорошо...

И снова спросил:

— А кто наш враг?

Солдат, быстро без запинки, ответил:

— Турция, Германия, Франция, Австрия...

Покрасневший генерал рявкнул:

— Дррак!.. Франция наш союзник!..

Он повернулся к начальству:

— И такого дурака удостоили чести ехать — защищать Францию!?

Но гнев генерала быстро прошел. Он обернулся к солдату, окинул глазами его крепкую фигуру и шутливо кинул:

— Ну, да ничего... не беда, что не знаешь... тебе ведь не политикой заниматься!... А штыком ты будешь молодецки работать!...

Побеседовав с другими солдатами насчет «словесности», генерал уехал.

А нас развеяли по казармам.

До приезда генерала Сандецкого, никто из начальства не объяснил: почему мы едем во Францию? и что это за страна такая?

После смотра солдаты ворчали:

— Чорт ее знает... что это за Франция!?. Где она находится?..

— Почему нам нужно защищать эту самую Францию?..

Какой-то солидный солдатик размышлял:

— Нападали, нападали на нас эти французские Наполеоны... а теперь, вот, мы должны за них сражаться!..

— Ни черта не поймешь! — вторил ему другой солдат.

Но и после смотра начальство не сочло нужным объяснить нам: что за страна Франция? и почему мы едем защищать ее?

Так и отправили в далекий путь.

II.

Повезли нас по железной дороге — на Архангельск. Это был последний русский город, стоящий на берегу моря. В Архангельске мы должны были пересестъ на французский пароход.

Перед отъездом, мы спрашивали начальство:

— Что следует нам взять с собой на дорогу?

Начальство отвечало:

— Ничего не надо... у французов все есть... на пароходе будете жить — как сыр в масле!.. Благодать вам будет...

Но русский человек не всегда «задним умом крепок». Много нашлось среди нас недоверчивых. Не поверили начальству и закупили на дорогу: баранок, сельдей, сыру. А простодушные поверили краснобайству господ офицеров и, конечно, поплатились за свое доверие — жестоким голодом.

В Архангельске пересели на французский пароход.

До Франции, морем, нужно было проехать двадцать суток.

С первого же дня, солдаты почувствовали себя худо. Сразу стало всем ясно, что царское офицерье нас обмануло. Ни-какой благодати на пароходе не оказалось.

Команда парохода не знала ни слова по-русски.

Матросы были — все негры, чернокожие сенегальцы, травленные волки.

Кормили нас сухими галетами, сваренным из бобов супом, да консервами.

Спали мы в трюмах, в повалку, надев на себя спасательные пояса, в которых кишмя кишели вши и блохи.

Вино, которое французы привезли для нас, нам не давали.

Но русский мужичок и здесь нашелся.

Солдаты подходили к чернокожим матросам, щелкали пальцами по горлу, показывали деньги, и начинался торг.

Некоторые из наших солдат знали, что французская монета, франк, стоила 33—35 копеек. А сенегальцы требовали один рубль за франк. Пришлось примириться с грабильной чернокожих матросов.

Сенегальцы стали продавать нам вино, которое было назначено для бесплатной выдачи нам. Брели за бутылку белого — 20 франков, за бутылку красного — 15 фр. Покупали у них — и картошку, и булки французские. И все — втридорога. Но ничего нельзя было поделаться. Умирать с голоду никто не хотел. А в море, на корабле, деваться некуда. Так и плыли полуголодные.

В Архангельске я купил себе тетрадь и, потихоньку от начальства, стал записывать в нее все то, что видел и слышал — изо дня в день.

Дальше я буду рассказывать о нашем житье-бытье по этому дневничку, который я сохранил.

III.

5.VIII 15 г. Идем мимо полярного круга. Безбрежные воды Ледовитого океана пред глазами уже четвертые сутки. Ни одного корабля не попадалось навстречу. Пустынен океан. Но скоро поворот на юг. Сегодня не было ни одного часа тьмы, все 24 часа светло. Вчера я еще писал в 11 часов ночи. Мне казалось, что все день, да день — глянул на часы, ах уже 11 часов ночи. Удивительная картина: впереди — солнце еле-еле пробивалось сквозь тучи, освещало края неба, казалось: то светил особый мягкий свет... Слева черная, пречерная полоса; словно белесый туман. Все небо, заволоченное отрывочными кучками облаков, было иное, до того никогда мною невиданное. Изредка полоса прорывающегося солнца бурлила, отливала разноцветными бриллиантовыми — изумрудными искрами. Происходило на глазах то, что на человеческом языке называется: борьба света с тьмою. Трудно было подыскать

еще такую картину. Дельфины ⁴⁾ свистали, кувыркались вокруг корабля в воде. Пропала пред нами завеса — стены из моросившего особо-мелкого дождя. На что был сумрачен сосед Капитонов и тот развеселился. Он два дня не ел, его все рвало, а теперь вот, отдох...

— Это все с черного хлеба! — твердит он...

Где-то на палубе пиликает гармошка. Я пишу и думаю:

— Как мало надо человеку, чтобы забыть свое горе...

9.VIII. Я пишу без огня... Двенадцать часов ночи, а солнце уже светит...

Крик-шум на палубе заставил меня выскочить из трюма. Это было развлечение. У одной стороны палубы плотной массой столпились солдаты и смотрели на океан. Вдалеке, поворачиваясь, приподнималось почти над водой морское животное, кожа которого была гладкая, хвост большой, сильный. Издалека оно казалось сажени в две длины, а на самом деле было больше. По временам от головы животного вздымался столб воды, как пар мелкими капельками...

— Э... э... смотри-кась... вот бы на его спине прокатиться...

— Чорт что ли там плавает?..

— Да чорт... только называется китом!

⁴⁾ Дельфины—рыбы.

— Скажи-ка, брат, ну и вещь; ишь-ты спина-то какая широченная!

— Э, э... эвон, вон он, видишь; видишь; как ныряет; и волна ему нипочем!

Шум, гам; крик неумолкают...

Со стороны глядя, было странно, что столько людей занимало такое явление; теснились к борту как дети...

— Ха... ха... вот он какой!

— Вот в его пасти пророк-то Иона, как в лодке, три дня плавал.

— Не штука, брат! Ежели будем тонуть — бог даст, он подвернется... я в нем и схоронюсь!

— Схоронишься... а чем дышать будешь?

— Чай там в нем воздуху много, как в подводной лодке...

— Э, брат, шут с ними и со всеми — чудесами... Теперь бы землю увидеть... а то все вода, да вода без конца...

10.VIII. Говорят, мы выходим из Ледовитого океана.

Перед нами Атлантический.

Но если и правда это, то все же изменений не видно. Также идет мелкий дождь; также бьются волны. Ничего нового, поэтому ученье идет еще упорнее.

— На-пра-во!..

— На...ле...во!

За ученьем не видно, как проходит время. А время без дела текло бы более убийственно.

Отдание чести, выправка занимали два часа; гимнастика — полтора; словесность — один час, специальность — три с половиною. Остальное время — чай, обед, ужин, несение дневальства, дежурства и т. д. По обыкновению кое-кто роптал.

С раннего утра по палубе несло:

— Ле-во!..

— Право!..

— Какой роты, молодец?

— Пятой роты, полка, бригады...

— Кто командир полка?

— Его высокоблагородие полковник...

— Молодец!

— Рад стараться...

11.VIII. Настроение менялось. Ветер крепчал. Все надели пояса. Опасное место. У солдат, не имевших дела с морем; не было никакого понятия о происходящем. Всем казалось; опасность далека; но никто не допускал мысли; что наше путешествие может окончиться гибелью.

Солдат было две тысячи, лодок восемь; да пояса, вот и все, но кто-то не дремал, зорко следил; чтобы нам не попасть на кормление рыбам. То там; то здесь вдруг замаячит шпиль ¹⁾, подозрительно понюхает и исчезнет.

¹⁾ Шпиль — сторожевой корабль.

Солдатики переговариваются:

— Что ты думаешь; разве мы утонем? Нет, не таковские дела. Вода иссиня-черная не примет... тяжелая, густая! И мы то не сразу потонем..

— И... и... жись... всего бойся...

— Чай еще не пили, а восемь часов... так не пимши; не жрамши, от этой жизни хоть сейчас в море...

— Оно не этой жизни жалко... жалко той, что осталась позади. И будет впереди...

Море синее-синее, гребни волн вздымались белой пеной, бились друг о друга.

А солдаты уже переругиваются:

— Что ты, сволочь, мало тебе еще?

— Да мало!.. Хлеб черный, заплесневелый; негра вареного ¹⁾ духу не выношу! Не могу купить табаку... Деньги русские— рубль идет нипочем, так прямо в горсть возьмешь и показываешь. А он, сколько хочет, столько и берет. Иначе он знать не хочет...

— Разве так можно?

— Э, на что тебе деньги, когда того и смотри, будешь там, где ничего не нужно.

Молодой парень протянул руку полную денег:

— Возьми!.. На что они мне...

И было его безусое лицо полно беззаботности, вернее безразличия.

¹⁾ Негра вареного—черные бобы.

Молодежь усердно изучала французский язык, им казалось: в одну минуту они могут усвоить язык; они и не предполагали, что это давалось годами и что все-таки человек оставался иностранцем.

Писать, читать было необходимо.

Слишком было досадно, что негр, обыкновенный негр, имел право покупать все то, что он хотел, а русский не мог, он как ребенок был связан—и то нельзя, и другое нельзя. Связан и незнанием языка и особыми правилами покупки вещей. И когда вдруг глянули на жизнь иностранцев, то на душе стало скверно...

12.VIII. Горизонт, закрывшийся туманом-дождем, рассеялся. Небо прояснилось. Глянуло солнышко. Вода из цвета керосина перешла в сине-голубой. Волны—живые булгы-горы то поднимались, то опускались; словно падали в пропасть... Гребни их пенистые были снежно-белого цвета. А впадины совсем; казалось, образовывали ложбины. Удивительно, как здесь океан напоминал степь, те же думы и печали навевал он. И невольно я ждал: вот-вот в долинах-впадинах зацветут степные цветы, а с гребней-холмов волн закивают-закланяются головы ковыля. Но волны только бьются-льются друг пред другом. Лучшие юношеские дни, любимые-лица встают. Лучшие чувства такие же чистые,

как белоснежные гребни, пробуждаются в душе.

А на палубе гремит:

— Смирно...

— Здравие желаем, ваше высокоблагородие!..

— Смирно!..

Грубая действительность отрывает меня от волн, и я чувствую, как падаю далеко-далеко вниз:

— Что это?

— Зачем люди делают это?..

Я вспоминаю о трюме, о своем негодовании, когда мне отвели поларшина ширины, два аршина длины — для моего житья-бытья в течение месяца, до моего убоя... Вспоминаю массу мечущихся в темноте жарких тел, испражнения от рвоты и запах разлагающихся отбросов рвоты, скрежет, ругань, озлобленные удары — чтобы отвоевать себе еще вершок места. Я вспоминаю крик-брань, почти драку за взятие пищи. Шум, гам, свист, какой не издают и животные, и я не понимаю ничего.

Теплый ветер уже обвеял мне лицо.

Необъятный простор был вокруг.

— Что же это такое происходит? Почему люди дошли до такого скотского состояния?...

А на палубе попрежнему гремит:

- На-пра-во.
- На-ле-во...
- Кру-гом а-рш!..
- Мор-ду не опускать!..
- Ешь глазами начальство!..

14.VIII. Утро... свежее, благословенное утро!.. Минута свободы; бытия один на один с собой. Но командир проходит, и взгляд опять упирается в море.

Не было — ни птицы; ни судна, ничего живого, одни волны — игра волн, их шопот, их музыка. И вдруг мелькнул парус. Первый парус за шесть дней.

О как радостно встретил глаз этого смельчака, что ехал на рыбацком суденышке, подняв паруса и флаг... Но, увидев нас, он быстро помчался от нас прочь.

А мы в свою очередь помчались от него прочь. Сменили курс, как заплутавшиеся бродяги, проехали зигзагами лишних несколько часов...

15.VIII. Ночь... Я стою на часах у кормы корабля. Атлантический океан горит весь, представляя из себя до того невиданное мною зрелище. По черному полю нежно светились бледно-голубые гребни, то вспыхивая; то потухая, ровно Ивановы червячки, вмиг открываясь и закрываясь. Это светились маленькие круги верха волн от соприкосновения друг с другом.

Я знаю; что это особое фосфорическое сияние, бывающее по ночам в Атлантическом океане. Я много читал красивых описаний этого ночного сияния. Но; вот стою и не могу оторвать глаз от невиданной картины.

Бледно-голубые гребни волн рокочут; шепчутся; обнимаются; целуются; смеются огненно-белыми, вспыхивающими и потухающими; улыбками.

За кормой; от разреза руля, раскинулась широкая бело-огненная дорога. Маленькие голубые точки — светлячки крутятся, искрятся; вытягиваются; рассыпаются и умирают. Морская дорога широка и беспредельна вся в бледно-голубом горении.

Она заставила позабыть огромную грудку грязных тел, которые лежали там, в трюмах. Она заставила позабыть о морской качке — болезни; что выворачивало все нутро человека. Она заставила позабыть о всех тех страданиях и лишениях; которые принесла проклятая война.

А на другом конце палубы звенело:

— Ой у-лу-у-зи-и тай-и-при бе-ре-е-е-зе-ее...

— Чер-во-на-а ко-лы-ы-на-а-а-а-а...

Лилась по палубе родная песня. Мощные; молодые и свежие голоса; такие же могучие как этот бело-огненный океан; напоминали о чем то другом: тоже о большом, о могучем!

Они напоминали о жизни: о страданиях; о борьбе и о возможных победах... но только не о том, что нас ожидало в неведомой Франции.

16.VIII. Утро... Светает...

Приказ: надеть пояса!

Мы скоро обогнем, далеко от нас за тысячи верст отстоящий выступ берега.

Возможны встречи.

Синие волны океана с каждым днем интереснее. Те брызги-взлеты, что вчера крутились змейками, теперь весело рассыпались миллионами мелких частиц. Они словно заигрывали, словно были рады пробуждению солнца, ласковому ветру, голубому небу.

Торопливо надеваю пояс и бегу на палубу. На гимнастику: поворачивание головы вправо, влево, начинай... Шаг на месте. Светлые волны плещутся и кажется, что игра; их действие, контролируют действие нашей игры, сейчас происходящей. Гимнастика продолжается.

— Пра-во!..

— Ле-во!..

Но я не могу оторваться от океана. Вот уже сколько дней мы едем, и каждый день он показывает мне свое новое лицо, каждый день его краски меняются; как лицо капризной изменчивой женщины. Хмур был Ледовитый океан, мало в нем было солнца-

света. Но зато весел, полон света, Атлантический; из волн которого сейчас на глазах вставало; словно умышись; после ночного сна, пробуждая живущих, блестяще яркое солнце!..

IV.

Наконец-то приплыли мы к французской земле. Пристали к берегу и высадились в приморский город Брест.

Было тепло и ярко.

Над головами пылало южное солнце. А на набережной переливались и пестрели толпы французов — мужчины и женщины, старики и дети, военные и штатские.

При нашем появлении на берегу; они шумели; кричали, хлопали в ладоши.

Дети хватили из наших рук ранцы и ружья; сжимали своими нежными ручонками наши грубые, закорузлые руки; что-то восторженно лепетали.

Барышни кидали нам букеты цветов, шоколад, папиросы; французские газеты; провожали нас восхищенными глазами и тоже что-то кричали.

Да и сами мы, попав с парохода на землю, от радости готовы были обнять эту толпу, расцеловать каждого встречного, даже каждый камень мостовой.

Так, среди пестрых, ликующих толп, прошли мы по чистенькому приморскому городу до помещения, отведенного для обеда.

Здесь тоже; кругом, блестела чистота. Столы были покрыты белыми скатертями. Перед каждым солдатом стоял отдельный столовый прибор.

Обедали вместе с французскими солдатами.

И самый обед был на французский манер.

Первым блюдом было на выбор: сыр или консервы, отварная холодная рыба или сельди; вторым блюдом — суп; третье — кусок мяса с овощами; четвертое — пирог; пятое — варенье и шоколад.

Все это мы запивали пивом. А французские солдаты — вином. Нам вино было запрещено.

— Это тебе не то, что было на пароходе! — говорили наши, оглядываясь на все, дотоле не виданное и не похожее на русский быт.

— Это тебе не бобы и не галеты! — шептали другие.

V.

Из Бреста нас отправили в прифронтный городок Майя.

Здесь; в лагерях Майи; нас поразила чистота нашей лагерной обстановки. Вокруг

барачков были сады и цветники. В самые бараки был проведен водопровод. У каждого солдата была своя койка — с матрацем, простыней и одеялом.

Но тут же нам пришлось узнать горькую изнанку нашей солдатской жизни на французской земле.

Началось с того, что, по чьему-то мудрому распоряжению, русским солдатам запретили посещать кофейни, расположенные в деревнях ближайших к фронту; запретили ходить в лавки и в магазины.

Это запрещение вызвало подозрительное отношение к нам — со стороны французских солдат и со стороны населения.

Очевидно им внушали, что мы дикари — такие же, как негры, сенегальцы и другие разноплеменные солдаты французской армии.

Незнание французского языка мешало нам объясняться с французами.

А переводчики из русских, состоявшие на французской службе, и французы, знающие русский язык, были далеко от нас. Да им и запрещалось переводить нам хотя бы одно слово из французских газет. За это грозило наказание.

Офицеры же французские при русском штабе подобрались все ярые монархисты.

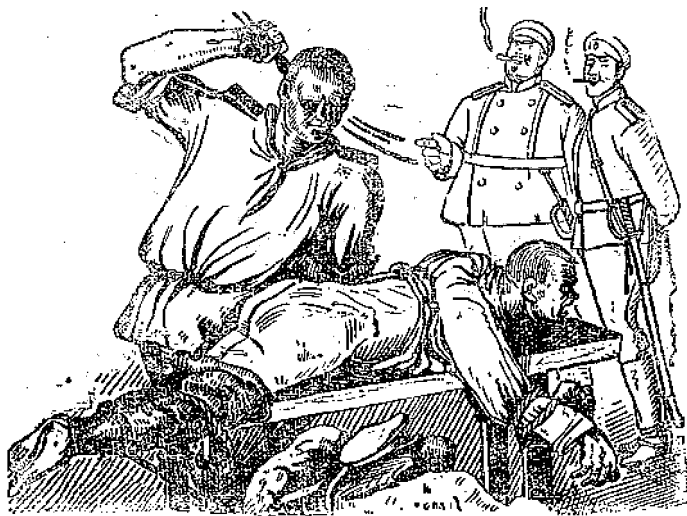
По примеру наших офицеров, они требовали, чтобы мы кричали им:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

А французы-солдаты хохотали и передразнивали наш крик:

— Гав-гав-гав!

Распоряжались и русские офицеры. Быстро ввели в полках — чисто русские нака-

зания — стоянье под ружьем, мордобой и порку.

Для наказаний отвели отдельный барак, чтобы скрыть все это от французов.

Русские офицеры считали, что неудобно пороть и бить по морде солдата на глазах европейцев.

Наиболее горячие из наших офицеров, иногда, ставили солдата под ружье за стенами барака — на голом месте.

Проходившие мимо французские солдаты стаскивали провинившегося солдата с места, приводили к нашему командиру и, с хохотом, докладывали:

— Он караулит пустое место!

А бывало и так:

Наш офицер лупил «по мордасам» русского солдата.

А непонимавшие такой расправы, французы, бросались на офицера.

И били его.

Наши офицеры были народом стыдливым и на побои французских солдат не обижались и не жаловались по начальству.

У французов были прекрасные полковые кооперативы, в которых мы потихоньку, через «черных», брали вино и другие продукты, покупали французские газеты, в которых жадно искали сведений о России; почта с родины до нас не доходила, письма попадали вскрытые, замазанные, повычеркнутые, так что оставались только бабы поклоны...

Жили мы, наблюдая чужую жизнь; а эта жизнь была интересна. Артиллерия французская превосходна — на один немецкий выстрел отвечала десятью. Саженные! глу-

бокие окопы с траверсами¹⁾, отличными ходами сообщений, с маленькими мулами для переноски тяжестей, прекрасные шоссейные дороги, прямо подходящие ко второй линии окопов, железные узкоколейки, деревни, за шесть миль от позиции живущие полной мирной жизнью: с кафе, магазинами, театрами. Аэропланы, десятками вылетающие на обследование. Бесчисленные автомобили ежедневно подвозят все необходимое для частей войск... Пайки выдавались нам обильно, а мы, по обыкновению, жадничали и «копили экономию», которой и накопили до трехсот тысяч франков на полк. Варили всего одно блюдо, в которое складывали все — и мясо, и рис, и зелень. Солдаты получали 35 фр. в месяц, как и все колониальные войска и; конечно, расходовали все деньги на питание. Хлеб выдавался белый роскошный. Поп, было, выпросил черный, о чем писал целый доклад французскому начальству, доказывая, что русский солдат привык к черному, но он обиделся дорожке, да и любовь русского солдата к черному хлебу была сомнительна, а потому попова затея не прошла, хотя выдавали раз в неделю черный хлеб, к которому никто не притрогивался, а берегли от других дней белый.

¹⁾ Траверс — окошечками.

Солдаты покупали все. Вино стоило франк за бутылку, виноград, фрукты — кило ¹⁾ 80 сант. ²⁾ разные консервы, все, что попадало на глаза и под руки; и не оставляли от жалованья себе ни копейки про запас; что, конечно, очень удивляло бережливых французов... Иногда брали в складчину на все жалованье вина; чтобы хоть раз напиться всласть; да так и пропивали все деньги, а пьяны не были...

Когда наш командный состав видел, что солдат несет бутылку вина, то бутылка тут же разбивалась; а солдату давали 25 розог; солдат, конечно, шел покорно на кобылу. А в следующий раз сливал вино в банку, в которой хранилась маска от газов... И при газовых атаках погибал без маски...

Так шла жизнь вдали от родины — без сведений о родине, в глубокой тоске.

VI.

В лагерях мы пробыли три недели, обучаясь. Французы-солдаты подолгу останавливались и удивленно наблюдали за нами. Они хохотали над нашим отданием чести — у них этого нет, так же; как нет специальной выправки «есть глазами начальство»...

¹⁾ Кило— $2\frac{1}{2}$ ф.

²⁾ Сантим— $\frac{1}{4}$ к.

На позиции нам прежде всего бросилось в глаза прекрасное оборудование окопов, так глубоко различное от наших; артиллерийская подготовка, отношение французского солдата к своим командирам — вся жизнь солдат-граждан французской армии была так не похожа на нашу, что невольно бросалась резкой разницей в глаза.

Во время атаки, если в ней участвовала французская пехота; баражный огонь продолжается до тех пор; пока немецкие пулеметы совершенно замолчат, и проволочные заграждения исчезнут. Иначе французский солдат не пойдет в атаку и повернет обратно. При атаках для черных сенегальцев и русских, артиллерия уже не носит такого стихийного, все уничтожающего характера; войска встречают перед собой и проволочные заграждения; и пулеметы. В последней апрельской битве 1917 г. от Суассона до Оберива русские дрались; как львы, и получили самую высшую награду французских войск.

VII.

После обеда я сменился...

Крепкий ветер дул в нашу сторону; сушил и подмораживал землю. Светило солнце. Настроение окружающих меня, точно таких же, как и я, людей, было приподнятое. По-

года настраивает человека так же, как музыкант настраивает свой инструмент.

— Смотри-ка, смотри, что это? — закричали солдаты.

Круглый баллон с прикрепленной корзиной летел в нашу сторону. Он держался высоко...

— Что это?...

— Э... э... вон второй!..

Второй летел низко и имел намерение спуститься.

Чтобы это значило? Кто летит в них? Что за корзины привязаны?.

Мы — целый десяток людей — побежали следом.

Воздушный путник совсем снизился...

— Держи, держи!

Пятеро ухватились за баллон, а двое выкидывали содержимое из корзины, которая была полна тюков, газет, журналов. Попутный ветер с силой швырнул волну воздуха; приподнял баллон и держащихся за него, которые бросили концы материи, и баллон вновь понесся продолжать свой путь.

— Ткнуть бы его в бок, вишь он какой огромный, да боязно, а ну-ка в нем газ...

Мы поделили газеты, годятся если не читать, то подстилать вместо скатерти во время обеда, и отправились во-свои.

— Ну, брат, жди теперь газовой атаки — видишь, идет в какую сторону ветер...

Да... да... быть... не даром же он отправил баллоны!..

Сегодня ночью я потерял заготовленную к отправке корреспонденцию. Да и как было не потерять. Ровно в два часа ночи я почувствовал, что кто-то толкал меня сильно в бок:

— Слышишь; скорей, скорей надевай маску!..

Спали мы в одежде, маска в головах... Открываю глаза — терпкий запах. На меня смотрят два стеклянных глаза... Отвисшая мотня вместо подбородка...

— Скорей!.. скорей!..

Я вскакиваю, натягиваю на себя маску, накидываю шинель.

— Что, брат?.. Не баран чихнул. Баллон с газетами не даром был послан... Где-то свечка, надо разжигать печку, отворяйте двери, мы его дымом встретим.

— Нет, не успеешь, надо вылазить, а то и совсем скверно. Газ любит ямы, больше всего, осаживается...

— Бу... уу. Ба... а... ах!..

Трещали, шумели, свистали, галдели, ухали, выли пушки, люди, животные.

— Вскакивай, все!.. Вишь, сатана, ветер с его стороны!..

Сердце билось; дышать было неприятно-тяжело в маске. За слюдой, служившей вместо стекол, было плохо видно...

Мы гуськом выбрались из убежища...

— Бу... у... ух... Тр... ррр... рр... Ба... а... ах... Ба...а...ах!

В светлую лунную ночь лезло, расплзлось; стлалось по земле что-то бледно-зеленое, катилось медленно, как клубок дыма из печки... И несло с собой тот приторно-вонючий запах, что губит все встречаемое на пути: деревья, животных, человека.

— Ускур!.. (на помощь)—слышится крик.

— Есть ли запасные маски?..

— Есть!

— Смотрите, этих хватит на полтора часа, а газы продержатся много больше!..

— Ба... а... а... Ба... а... ах...—с силой плюются навстречу пушки, разбивая облачные кучи...

— Слава богу, встречают, разобьют их...

— Прогонят...

— Скверно!

— Газовая тревога!

— Газовая атака!..

— Смотрите, смотрите! Ведь он ползет, как живой!..

— Да он живой и есть!

— Хе... хе... дымом его, дымом встречать: вот он и сбрендит...

— Зажигай костры, солому, уголь, дрова, все, что можно.

— Давай у кого что есть; разжигай!..

— Братцы, гляньте-ка... гляньте-ка... валится лошадь...

— Ах, волк их ешь, чтобы тому, кто их, эти газы, выдумал, ни дна, ни покрышки, десять раз в гробу перевернуться.

— Скажите-ка, чай не шутка, все глушит, ну, человека-то туда-сюда, а животное-то, дерево, что ему мешает?

— А птица — вон, вон, смотри-кась, как ком!

— Эй, кто там балякает? Сюда, сюда! На лошадях сменить маски!..

— А ты не грохочи, смерть подходит, а ты грохочешь, здесь как можно меньше говорить надо, легче перенесешь!..

Ба...а...а... Б...у...ух!..

Атака продолжается. Дыхание спирается, ощущение приторно-сладковатое, что бывает после операции у человека, бывшего под хлороформом. Бледно-голубой дым ползет по земле... Было тоскливо от того, что нельзя было дышать чистым, свежим воздухом, что нельзя было снять с лица намордника, а газ полз и полз...

— Меньше движений, меньше говорить...
сменяйте маски на запасные!..

— Есть?..

— Готово!..

— Э...э... кошка-то царапает ноздри, что
с ней делать?..

— Платок водой, да в нос...

Птицы, животные, люди все падают, гибнут, гибнут от чего-то ползущего, хватающего какой-то невидимой рукой, проникающего во все поры зелено-бледного бесформенного... Через стекла маски трудно было смотреть; в трех шагах предметы не разглядывались; казались как в тумане. Люди, до того знакомые, все становятся однородными-чужими, плывут, как в тумане.

— Плохо мне, брат; совсем...

— Не открывайте маски, держите новую наготове...

Кто-то хрипит, кто-то кашляет-кашляет с рвотой и не может прокашляться...

— Готов?...

— Скорей, скорей! Делайте впрыскивание морфия!..

Кто-то скребет руками землю...

— Скверно, скверно, какая это чорт война — дымом, облаками...

И ниже, ниже никли намордники маски с отвислыми мордами...

— Автомобиль поручику Д!..

— Что?..

— Готов!..

— Плохо!..

Газ был с примесью нового состава...

— Смотрите, смотрите!..,

Бледно-голубая волна плыла по земле ростом в сажень и выше навстречу нам, и казалось: то было что-то живое, разумное, дотоле нами невиданное, существо иного века, иного мира...

— Разводить костры, посылать навстречу дыму дым...

Бу...у...ух...ба...а...ах... ухают, воют пушки; они продолжают отбиваться от налетающих на них желто-голубых облаков, которые стлались, крались по земле, словно живые, одухотворенные существа...

У...у...у — воет-стонет предупредительный свисток...

Дело серьезное, вторая волна пущена...

— Жги! Зажигай все, что можно — солому дерево, уголь, — все, что можно!..

— Не трусь, ведь это только дым, а дым дымом прогоняется.

— Нет ли разжишки?

— Все пожгли...

— Христа ради, хоть клочок бумаги?..

Я вытаскиваю, выворачиваю все, что было из котомки, служившей мне домом, так старательно до того сложенное береженное,

письма, корреспонденции не различаю теперь, щупаю руками бумагу и бросаю, бросаю на разводимый дым...

— Смирно! Не покидать постов ни на минуту — доносится глухой голос из-за маски, голос команды.

— «Умри на месте!»

...У...у...у... Продолжают выть сирены. Не две, не три, будут волны, а много, долго, настойчиво они будут сжимать нас за горло... Невольно бьется усиленно сердце, словно остаешься один на один сам с собой; все было неземным, чужим, далеким, так не привыкшим к простому обыкновенному, ранее воспринимавшемуся, человеческому...

Если бы глянуть сверху вниз, то можно было бы видеть, как газы, словно белые, кучковатые, волнистые тучи, ползли низко-низко над землей...

Сверкали сигнальные ракеты красные, белые, синие, ухали еще поспешнее пушки, визжали тяжелые, легкие мины, пулеметы, а он, тяжело переползая, подгоняемый ветром, перелезал, катился вверх на гору...

Можно было бы видеть, как вся долина-ложбина между двух полугорий-возвышенностей жила нечеловеческой жизнью на протяжении десятка верст видимого глазом. Дальше по фронту на много километров была одна и та же картина... Все живое уже не

представляло из себя ценности, для живого обыкновенного, ранее существовавшего, не оставалось больше воздуха, нечем было дышать...

И вскоре с полугорья можно бы было только видеть-заметить один сплошной дым, который по краям разрезался всплеском огня, словно секундной вспышкой молнии...

Кто мог сказать, что это дело рук человека!? Кто, что в этом понимал?!!

VIII.

...Плелись — кто и как попало.

— «Гы!.. гы... эй!.. ей!.. алле!.. у!.. у!..»

Погоняли лошадей, взяли по колена в грязи, ругались, стояли по полчаса на одном месте...

Двигались автомобили, битком набитые ранеными, повозки, артиллерийские ящики.

Пролетали разные слухи: говорили об успехах и о потерях, о взятых пленных.

Рассказывали, как один санитар будто бы пригнал 15 человек пленных: рады были, что попали в плен. Передавали, как где-то одним снарядом было убито тридцать человек...

Артиллеристы без рубашек работали, открыв рты, обливаясь потом: этот чистил дуло;

другой подавал снаряд; третий вкладывал быстро, механически, как на фабрике...

Саперы спешили с отделкой паровоза — подвозить снаряды, которые навалены горами в крытых местах.

Аэропланы, как птицы, парили десятками, высматривая — что делается внизу.

...Пехотинцы, притаясь, ожидали, когда будет пора идти в атаку. Ночью они взяли две линии, надо взять и третью. Она на гребне горы, перед нею падает огненная завеса.

— Та! та! та!.. — быстро, захлебываясь; тараторили, как нетерпеливые мальчуганы, пулеметы.

— «Ба!.. а!.. а!.. б-бу у-у!» — ухали, раскрыв прожорливые пасти, стальные чудовища.

И!.. и!.. их! — взвизгивали летящие мины.

Их видно простым глазом; они летят, махая крыльями, и производят особенно гнетущее впечатление.

... Здесь командует ротой офицер грязный, замасленный; в другом месте офицер командует отделением; а ротой управляет унтер-офицер; в третьем — простой рядовой, хладнокровный, взвешивающий каждую мелочь. Не то важно — кто командует, а важно — как....

Когда началась атака, я столкнулся с врагом, ухватил его за горло, вижу — офицер: надо тащить в плен... Велел ему поднять руки вверх, а он с меня глаз не спускает и все норовит опустить руки... Белобрысый такой... Оглянулся я, а он — цап, руку в карман и вытаскивает револьвер... Вышиб я револьвер, а его приколол штыком...

Нам надо было взять рощу на горе, до нее сажен двести, защищалась она пулеметами.

...Падали, ползали раненые, что-то кричали, чего-то просили.

— «Ма-а-ма, родная ма-ма!»

Кто-то гнал пленного, вдогонку кричали:

— Приколи его, некогда с ним возиться!

В воздухе рвались, метались, взвизгивали, словно справляя шабаш, неземные силы.

— «А!.. а!... а!..»

Орудия многих батарей, выпуская множество снарядов, создавали вихри. Трудно было держаться на земле, так и подхватывало, поднимало, ровно смерчем, на воздух.

Природа не выдерживала: сыпала в ответ громом, молнией, дождем и даже снегом. Происходило то, что у французов называется словом «бараж».

Где-то далеко-далеко, а вместе с тем и очень близко за перегородкой из огневой

завесы противник лез, лез безрассудно. Он знал свое положение: когда его отправляли, то сзади устанавливали пулеметы и били из них по бегущим назад. А завеса была непрерывна, метр за метром падали рядом снаряды, огромные, многопудовые чугунные чушки. Взлетали горы земли, обдавая грязью находящихся в окопах, душили газом, рвали на части в мелкие куски встречные тела. Долина вздрагивала, стонала ровно живая.

Говорить было нельзя, нельзя было услышать друг друга. Иной бежал прямо в сторону врага, без ружья, без патронов, безумный, потерявший власть над собой... Иной рыл землю руками... Иной медленно плелся: обе руки оторваны, лицо пробито пулями... У одного один глаз висел, выпав из орбиты... За ними плелись еще и еще, но, кажется, у всех было одно и то же выражение лица — мучительный вопрос...

Взрывы, горы земли, грязи хоронили под собою.

Странное слово «баражо».

Где-то взвизгивало, что-то стучало, грохотало, жужжало, что-то жаловалось.

И все это, взятое вместе, вновь и вновь рождалось, вновь и вновь тонуло в огромных ухающих звуках, сотрясавших воздух. Невольно рот оставался открытым, руки опускались, тело съеживалось.

Раскаты грома были ничто перед этими ударами, словно маленькая хлопущка перед большим колоколом.

Тревога передавалась еще не потерявшим замобладание людям и переходила на животных. Лошади вырывались, ржали, бились. Но вместо них выступали черные большие танки, они шмыгали, словно что-то искали.

Трое суток продолжался этот концерт. Люди не выдерживали, сходили с ума. И только сознание, что вслед за такими усилиями придет какое-то счастье, поддерживало бодрость, не давало угасать нашей мысли. Но досадно и горько было, когда, заняв окопы врага и закричав по-русски:

— Куда прешь? Руки вверх!

В ответ мы слышали речь:

— Мы не немцы!

Я привскочил:

— Кто же вы такие?

— Поляки. Нас взяли из-под Гродно, ну, мы и пошли.

Перед нами были чехи, поляки, галичане, словаки, болгары; они волной поплыли перед нами.

— Эй, вы, таскай раненых!

Пленные взвалили на носилки сенегальца; который, ворочая большими белыми зрачками, пытался что-то им объяснить на своем африканском наречии. Сенегальцы, алжирцы,

негры, галичане, поляки шли друг против друга...

Километрах в трех от нас продолжали гудеть малые батареи. У самых траншей били бомбометы и минометы — прожорливые акулы. В десяти верстах гудели тяжелые орудия, в 25-ти верстах морские.

Вся посылаемая ими масса стали и чугуна падала в определенном месте. Казались падающие снаряды — порождением не рук человеческих, а живыми существами, шмыгающими по воздуху. Казалось, небо разверзлось и слало огненный дождь.

В действительности же происходило то, что создал сам человек и что он назвал новым словом: «Бараж».

IX.

После пяти с половиной месячного стояния на позиции мы ушли на отдых, так как командный состав не дал нам месячного отдыха, по примеру французской армии, полагаемого после каждых трех месяцев стояния в первой линии, а решили отстоять срок в два раза больше и тогда дать двойной отдых: мы, конечно, не прекословили, ибо не имели права голоса...

Надвигалась Пасха, надо было ее праздновать, пообчиститься, сменить амуницию,

заменить убыль людей и т. д. Пошли мы на отдых. И в одной из деревень купили газету; я уже сносно читал по французски...

Товарищи спрашивают:

— Ну, что нового о России?

О России было крупным шрифтом напечатано нечто такое, от чего у меня потемнело в глазах.

Солдаты вопросительно смотрели на меня.

— Ну, что?

— Есть одно, да боюсь вам сказать, — ответил я.

— Читай!

— Нет, не могу... За это по уставу, пожалуй, пулю получишь!

Это еще более раззадорило их, и я вынужден был уступить...

— Царь Николай абдике... Вот, что тут написано...

— А что такое — абдике?

— А это значит — отрекся от престола!

— Ну, ты, брат, над нами не шути!

Мужик-солдат вырвал газету и пошел к переводчику. Но когда француз-переводчик сказал, что не может перевести, так как есть приказ, чтобы не переводить русским французских газет, то взявший газету пришел и отдал мне ее, сказав:

— А ты, ведь, пожалуй, не соврал...

По местечкам, нам навстречу, выбегали мальчишки, они кричали:

— Русский, русский, Николай абдике!

Мы поверили в это.

Было решено, придя в лагери, пройтись по местечку с красным флагом, отслужить панихиду по расстрелянным и послать телеграфное приветствие...

Но у начальства были свои уши...

Не успели солдаты очухаться, пришел поздно вечером в лагери приказ — утром всех выстроить на смотр.

Утром, генерал объехав ряды, вдруг сказал, обращаясь к солдату:

— Ну, вот, вы собрались идти по местечку с красным флагом и служить какие-то панихиды... А ты мне скажи — что такое значит красное знамя?

Солдат смолчал.

— Не знаешь. Ну, ты? Ты?..

Солдаты молчали.

— Не знаете, а про свободу кричать знаете!?

— Я знаю! — закричал один.

— А ну, скажи!

Вышел солдат из строя, это был пулеметчик...

— Красное знамя есть эмблема свобод, добытых пролетарскими рабочими руками...

— Молчать!.. — взревел генерал. — Строгий арест, три недели...

— Не позволим! — ответили вдруг, как один, ряды солдат.

— Не позволим!..

